

Экипаж замер перед воротами поместья маркиза Динъюань. Кучер поспешно подставил скамеечку, и Гу Чжао, первым спрыгнув на землю, с трогательной предупредительностью подал руку Жун Цунцзиню.

За те несколько дней, что прошли после свадьбы, это уже вошло у него в привычку. Би Тао, видя такую заботу, оставалось лишь стоять в сторонке, гадая, не забыл ли князь, что это её работа.

— Смиренная раба... — начала было супруга маркиза, но её голос дрогнул. — Мы приветствуем князя Жуй и принцессу-консорт.

Всё семейство маркиза Динъюань ожидало их у входа. Когда процессия вошла в зал Цзялэ, домочадцы склонились в глубоком, почтительном поклоне. Жун И, взявший ради такого случая отгул в службе, стоял чуть позади родителей, также отдавая дань уважения.

Гу Чжао едва успел подхватить под локоть маркиза, не давая тому опуститься на колени, и замахал руками:

— Не нужно, не нужно кланяться!

Он засуетился, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Это я должен вам поклониться.

Гу Чжао, по-детски старательно, сложил руки в приветствии, но тут же спохватился, поменял их местами — теперь левая ладонь накрывала правую — и, смущенно улыбнувшись, отвесил маркизу глубокий, непривычно долгий поклон.

Маркиз Динъюань в испуге отпрянул:

— Ваше Высочество, что вы делаете?.. Вам не подобает так чествовать подданных!

Гу Чжао ничего не ответил. Сместившись чуть в сторону, он точно так же поклонился супруге маркиза. Та, охваченная смятением, отступила на несколько шагов. Даже стоявший в заднем ряду Жун И не остался без внимания князя.

В императорском дворце Гу Чжао не кланялся так истово даже императрице. Он был принцем по праву рождения, и единственными, перед кем он склонял голову, были государь, Императрица да духи предков в родовом храме династии Цинь. Обычно все падали ниц перед ним, и маркиз Динъюань в страшном сне не мог представить, что член императорской семьи станет отвешивать поклоны его домочадцам.

— Я должен поблагодарить маркиза и его супругу за то, что позволили Цунцзиню выйти за меня, — произнес Гу Чжао. Улыбка на его лице чуть померкла, он выпрямился и крепко сжал руку Жун Цунцзиня. В его черных, блестящих глазах промелькнула несвойственная ему серьезность. — Я знаю, что за мной идет дурная слава... и что я не чета молодому господину Юй...

Он говорил медленно, тщательно подбирая слова, словно заучивал их много дней подряд.

— Но я буду беречь Цунцзиня. Клянусь вам, что никогда не предаю его. Я обещаю маркизу и госпоже: в моей жизни не будет другой жены — только он один. Я буду ценить его и защищать превыше всего.

Выпалив всё это на одном дыхании, Гу Чжао заметно расслабился. На его лицо вернулась прежняя, чуть глуповатая, но сияющая счастьем улыбка. Он не выпускал ладонь Цунцзиня — теперь они были мужем и женой, их имена вписаны в яшмовые свистки императорского рода, и никто не в силах их разлучить.

Маркиз не нашелся с ответом, а вот у его супруги покраснели глаза. Она отвернулась, украдкой вытирая слезы шелковым платком. За последние месяцы она выплакала, казалось, все слезы мира, но на этот раз то была радость.

Она не могла видеть сына в княжеской резиденции и изводилась от тревоги, гадая, как сложится его жизнь с супругом, чей разум остался в детстве. Теперь же, увидев их вместе, она почувствовала, как тяжелый камень свалился с её души.

Пусть муж будет хоть семи пядей во лбу, хоть первым ученым империи — если в его сердце нет места для Цунцзиня, всё прах. А этот... пусть он прост и наивен, зато его преданность искренняя. Он протягивает своё сердце на ладонях, не таясь.

«Если Цунцзинь проявит хоть немного терпения, — подумала она, — они вполне смогут жить в ладу».

— Ваше Высочество слишком добры, — наконец заговорил маркиз, прибегая к привычной придворной лести, хотя в глубине души его терзали иные мысли. — Мой сын не обладает великими талантами и едва ли искушен в домашних делах. То, что он может служить вам — великая милость судьбы.

Император Цзяньюань ревностно оберегал величие своей семьи, и подданные, говоря о браке с принцами, обязаны были называть свой род «ничтожным», а союз — «недостойным». Только так государь оставался доволен. Маркиз, разрываясь от любви к сыну, был вынужден следовать этикету, лишь в конце добавив:

— Если он в чем-то оплошает, прошу вашего снисхождения.

— О... — Гу Чжао мгновенно помрачнел.

Его дружелюбие как ветром сдуло. Кто это тут «ничтожный»? Его Цунцзинь — самый лучший в мире! И даже если это говорит родной отец, Гу Чжао не желал этого слышать. Он не понял, что это лишь дань вежливости, и, затаив обиду в своем маленьком сердце, перестал обращать на маркиза внимание.

Тот, почувствовав неладное, бросил на сына умоляющий взгляд, прося о помощи.

— Ваше Высочество, вы напугали моих родителей, — Жун Цунцзинь легонько сжал ладонь Гу Чжао.

Маркиз вздрогнул. Как он смеет так вольно вести себя с принцем? Если Гу Чжао разгневется, Цунцзиню несдобровать!

— Это моя вина, — тут же отозвался Гу Чжао, мгновенно остыв. Ради Цунцзиня он был готов признать любую ошибку. Он снова слегка поклонился: — Маркиз, госпожа, не сердитесь.

Маркиз Динъюань, так и не разгадавший переменчивый нрав зятя, застыл на месте, не зная, как реагировать.

— Ты всё еще называешь его маркизом?.. — Жун Цунцзинь взглянул на него с притворной укоризной.

От этого мимолетного взгляда у Гу Чжао в груди словно затрепетали крылья бабочки.

— А как же тогда? — шепотом спросил он. Он ведь даже не знал вежливого имени тестя.

— Ваше Высочество должны называть их отцом и матерью, — с улыбкой наставил его Цунцзинь.

— Цунцзинь!

— Цзинь-эр! — в один голос воскликнули маркиз и его супруга, пораженные такой дерзостью.

— Отец, — Гу Чжао, проигнорировав их испуг, почтительно сложил руки. Затем повернулся к госпоже маркизе Динъюань: — Матушка.

Заметив стоявшего поодаль Жун И, князь, проявив недюжинную сообразительность, добавил:

— Шурин.

Жун И онемел. Прошло немало времени, прежде чем он нашел в себе силы вскинуть руки в ответном приветствии. Сколько яда он вылил на князя Жуй за глаза! Он мечтал отправить брата обратно в Дяньнань, лишь бы спасти от этого брака. А теперь этот самый князь со всей учтивостью называет его братом... Поистине, пути судьбы неисповедимы.

— Матушка, мы еще не пообедали, — прервал затянувшуюся паузу Жун Цунцзинь. — Давайте сядем за стол. Мы ведь одна семья, нам есть о чем поговорить.

— Ах... да, конечно! — спохватилась госпожа маркиза Динъюань. Она украдкой взглянула на Гу Чжао — тот сиял, не сводя восторженного взгляда с супруга. — Хосян, вели накрывать на стол!

Первый визит в родительский дом — требовал особого размаха. Зал украсили ширмами с изумрудным шелком, расставили нефритовые вазы и резную мебель из цитаня. На столе под картинами с туманными горами уже дымились изысканные яства: хого «Подношение алой заре», суп «Яшмовый пояс», вегетарианское «жареное мясо», хрустящая рыба, фаршированные баклажаны и жаркое из косули. К вину подали засахаренные цветы сливы. Маркиз лично откупорил кувшин двадцатилетнего вина «Благоухание яшмы».

Слуги замерли в почтительном отдалении.

Вино было крепким. Гу Чжао, осушив лишь одну чашу, почувствовал, как в голове зашумело. Он подпер щеку рукой, пытаясь прогнать дурман. Жун Цунцзинь знаком велел Би Тао убрать резную агатовую чашу.

— Отец, он совсем не умеет пить, не стоит его неволить...

Цунцзинь положил на тарелку мужа кусочек жаркого из косули и хрустящей рыбы, чтобы тот скорее протрезвел. Гу Чжао, едва попробовав мясо, просиял:

— Как вкусно! Как это готовят?

— Свежую косулятину режут тонкими ломтиками, маринуют в соли, вине и пяти специях, а затем быстро обжаривают на раскаленном железе. Так мясо сохраняет аромат, но теряет тяжелый запах дичи, — мягко пояснил Цунцзинь.

— Почему мне никогда такого не давали? — Гу Чжао закивал, приходя в восторг, и принялся усердно переключать лучшие куски на серебряное блюдо «Куйсин», стоявшее перед Жун Цунцинем.

— Это старинный рецепт земель Мобэй, — продолжал Цунцзинь. — К нам заезжал старый друг из тех краев, он и научил поваров.

Гу Чжао попробовал «жареное мясо» и рыбу. Первое блюдо, хоть и было постным, таяло во рту,

оставляя свежее послевкусие овощей, а в рыбе отчетливо слышались нотки периллы и солодки. Стоило коснуться палочками белоснежной мякоти, как ароматный сок пропитывал каждый кусочек.

Князь остался крайне доволен. Всё, что казалось ему вкусным, он тут же отправлял на тарелку супруга, пока там не выросла целая гора еды. Би Тао стояла за спиной хозяина, не шевелясь. Она даже не пыталась подойти, чтобы помочь с едой — князь и тут отобрал у неё работу.

— Ваше Высочество, довольно, — Жун Цунцзинь накрыл ладонью руку Гу Чжао, чувствуя, как к щекам подступает жар.

Всё-таки они были за столом с его родителями. Гу Чжао с сожалением отложил палочки:

— Ты слишком худой. Тебе нужно больше есть.

Для князя Цунцзинь в своих летящих одеждах был подобен небожителю, сошедшему с луны, но красота — это еще не всё. Он хотел, чтобы его супруг был полон сил и прожил с ним долгую-долгую жизнь.

Маркиз и его жена предпочли сделать вид, что ничего не заметили. Жун Цунцзинь прижал ладонь ко лбу. В империи Цинь нравы не отличались вольностью; даже родной брат после совершеннолетия Цунцзиня редко заходил в его покои. Гу Чжао же, казалось, вовсе не ведал о приличиях, выставляя их близость напоказ.

«Другие знают о его недуге и не станут винить в легкомыслии, — подумал Цунцзинь. — Скорее, они станут шептаться о том, какими уловками я привязал князя к себе...»

— Отец, позвольте мне выпить за ваше здоровье, — Гу Чжао снова придвинул к себе чашу. Би Тао наполнила её из золотого кувшина. Князь почтительно поднес вино тестю.

Маркиз, польщенный таким вниманием, осушил свою чашу до дна. Жун И тоже не остался в стороне.

Пусть Гу Чжао и был прост умом, но в вежливости ему нельзя было отказать. Обида в сердце Жун И окончательно растаяла. Унижение от того, что наследный принц силой навязал им этот брак, сменилось иным чувством. Теперь он смотрел на Гу Чжао не как на обузу, а как на зятя.

«Наследный принц не лгал, — признал про себя Жун И. — Его шестой брат действительно чист душой. И в эти смутные времена только такая чистота и власть князя смогут уберечь Цунцзиня».

Жун И опустил голову, скрывая нахлынувшие чувства. Воины всегда острее чувствуют запах крови в воздухе, чем книжники. Старый буйвол в степи всегда окружен хищниками, а в небе

уже кружат вороны, ожидая его падения.

Вино «Благоухание яшмы» пахло лотосами и летней росой. Оно не обжигало горло, как дешевое пойло, но хмель в нем был коварен. К концу обеда Гу Чжао уже с трудом держался на ногах.

— Матушка, мы отдохнем немного в моем старом дворе, прежде чем ехать обратно, — сказал Цунцзинь, поддерживая мужа.

— Там всё прибрано, — кивнула госпожа Жун. — Ступайте. Позже я загляну к тебе.

Сяо Лэцзы, ждавший снаружи, подхватил князя под руку, и они направились к двору Хэнчжи.

Там всё осталось прежним: кушетка, столик для циня, неоконченная партия в шахматы. Ни пылинки. Цунцзинь уложил Гу Чжао на изящную кушетку, а Би Тао привычно достала из сундука тонкое шелковое одеяло.

— Можешь идти, — тихо велел Цунцзинь.

Оставшись наедине с мужем, он сам снял с него верхнее платье и укрыл одеялом. Взяв веер с росписью, он сел рядом, обмахивая спящего. Гу Чжао спал тихо, его лицо покраснелось, губы чуть приоткрылись. Длинные ресницы, похожие на два маленьких веера, подрагивали — должно быть, ему снился добрый сон.

Он был похож на лиса из сказок, который принял человеческий облик и, перебрав вина, уснул прямо в цветах. Жун Цунцзинь невольно улыбнулся. Он редко улыбался прежде, но с тех пор, как связал свою жизнь с Гу Чжао, его беззаботное веселье словно передалось и ему.

Прошло несколько часов. Госпожа Жун заходила навестить их, расспрашивала о жизни в резиденции, и, убедившись, что с сыном обходятся достойно, ушла успокоенная.

Вино, настоящее на лепестках лотоса, быстро отпустило. Гу Чжао проснулся бодрым и полным сил.

— Ваше Высочество проснулись? — Цунцзинь сидел рядом, читая медицинский трактат. — Выпейте чаю, станет легче.

Гу Чжао пригубил «Изумрудные пики Цаншань» и огляделся.

— Где это я?..

— В моем старом дворе, в поместье маркиза, — Цунцзинь отложил книгу и нежно поправил растрепавшиеся волосы мужа. — Вам больше нельзя так много пить.

— Это твой двор! — Гу Чжао просиял. Он с любопытством рассматривал комнату. Наконец-то он попал в «девичью» своего супруга!

Раньше обстановка показалась бы ему слишком скромной, но теперь он находил её верхом изящества.

— Жаль, что те сливы, что я тебе подарил, уже перевезли в наш дом. Здесь бы они смотрелись чудесно, — с сожалением добавил он.

— Хэнчжи — это моё прошлое. Теперь наш дом — резиденция князя Жуй, — улыбнулся Цунцзинь. — Лучше обустраивай наше общее гнездо.

«Наш дом». Эти слова отозвались в сердце Гу Чжао волной нежности. Он поймал руку Цунцзиня и, не сводя с него сияющих глаз, вдруг прижался губами к его ладони. Легкий звук поцелуя прозвучал в тишине комнаты, словно всплеск воды под лунным светом.

— Ваше Высочество... — Цунцзинь замер.

Краска залила его лицо, кончики пальцев закололо от странного, незнакомого чувства. Гу Чжао и раньше твердил о «супружеском долге», но то были детские забавы — неумелые укусы да объятия. Цунцзинь не торопил его, позволяя всему идти своим чередом.

Но сейчас всё было иначе. В этом поцелуе была томная, едва уловимая страсть. Цунцзинь прикусил губу, не зная, как реагировать. В прошлой жизни он бежал от любви, закрывшись в своем мире. Гу Чжао и тогда крутился вокруг него, но стоило ему набраться смелости, как Цунцзинь выставлял его за дверь. Лишь за полгода до катастрофы он начал подпускать его к себе, но и тогда их близость была лишь тенью настоящего чувства.

Теперь же он впервые открывал для себя, что такое любовь. И это чувство пугало и манило одновременно.

— Можно мне всё осмотреть? — пыл Гу Чжао угас так же быстро, как и вспыхнул. Он уже спрыгнул с кушетки и с надеждой смотрел на супруга.

— Конечно, — отозвался Цунцзинь, всё еще пребывая в смятении.

Гу Чжао вихрем пронесся по комнатам, трогая вазы и рассматривая корешки книг на полках.

— Ты правда жил здесь? — его голос стал непривычно серьезным.

— Да, — Цунцинъ подошел к нему сзади. Ему вдруг захотелось обнять эти плечи. Пусть они еще не были широкими, но для него они стали опорой.

— Тут так тесно, — вздохнул Гу Чжао. — Боковая комната Сяо Лэцзы в моем дворце и то в два раза больше...

Он выглядел так, словно его супруга здесь нещадно притесняли.

Жун Цунцинъ лишился дара речи. Не все же живут в императорских чертогах!

Гу Чжао снова взял его за руку и потянул к кровати. Усевшись, он похлопал рядом с собой:

— Садись, Цунцинъ.

Тот, всё еще не зная, сердиться ему или смеяться после сравнения его дома с камеркой слуги, всё же сел рядом.

— Пусть тут тесно, зато это твой мир, — серьезно сказал Гу Чжао. — Я бы хотел переехать сюда раньше и жить здесь с тобой.

«Оставил бы дворец Сяо Лэцзы, а мне бы и крохотной камерки хватило, лишь бы с тобой», — подумал он.

— Зачем бы вы сюда переехали? — с трудом выдавил Цунцинъ.

— Чтобы спать вместе и исполнять супружеский долг, — как нечто само собой разумеющееся ответил Гу Чжао.

— Ваше Высочество...

— Да шучу я! — Гу Чжао довольно зажмурился. — Я знаю, что это только после свадьбы можно.

Он подался вперед и коснулся губ Цунцинъ. Тот на мгновение замер, а затем робко ответил на поцелуй. Гу Чжао, словно галантный кавалер в танце, вел его за собой, наслаждаясь этой близостью.

Когда они отстранились, Гу Чжао, повинувшись инстинкту, легонько прикусил нижнюю губу супруга, оставляя след.

— Ой... — Цунцинъ охнул, в его глазах заблестели слезы. Гу Чжао тут же принялся осыпать

его губы короткими, виноватыми поцелуями.

Это был момент высшей нежности. Цунцзинь, тяжело дыша, сжимал руку мужа, не в силах отвести взгляд от его лица. В его душе, словно в весеннем саду, распускались цветы, наполняя всё вокруг неземным ароматом.

Солнце клонилось к закату, заливая двор Хэнчжи теплым оранжевым светом. Цунцзинь сидел в этом сиянии, его щеки горели румянцем.

— Ваше Высочество, запомните: такое позволено только со мной, — прошептал он. За эти дни в нем проснулась ревность. Если Гу Чжао и суждено быть с кем-то близким, то только с ним одним.

— А что, кто-то еще хочет? — нахмурился Гу Чжао. — Они что, хотят воспользоваться моей добротой?

— Именно так, — вздохнул Цунцзинь, и его тревога сменилась смехом.

Гу Чжао снова погладил руку супруга:

— Ты тоже будь осторожен. Ты такой красивый, смотри, чтобы тебя никто не обидел.

— Мы оба будем осторожны, — пообещал Цунцзинь.

— Господин, пришел молодой господин Лю, — раздался из-за двери голос Би Тао.

— Какой еще Лю? — удивился Цунцзинь.

— Командир легкой кавалерии армии Мобэй, Лю Чжигэ, — ответил за дверью густой, низкий голос с легкой хрипотцой.

Цунцзинь замер.

— Цзыюань... Генерал Лю, подождите мгновение!

— Ваше Высочество... — начал Цунцзинь.

— Я выйду, — привычно отозвался Гу Чжао. Всякий раз, когда брат принимался за дела, он уходил в боковой покой и ждал там, пока про него не вспомнят.

— Нет, — Цунцзинь удержал его за руку. — Мне не подходит принимать гостей наедине. Побудь здесь, в спальне. Вечером мы вместе вернемся домой.

Гу Чжао с радостью согласился. Цунцзинь заварил ему чаю, положил рядом книги и вышел в гостиную.

— Входи.

Би Тао ввела гостя.

Это был мужчина огромного роста, широкоплечий и жилистый. Даже когда его руки были расслаблены, на них бугрились мощные мышцы. Входя, он пригнулся, чтобы не задеть притолоку. Каждый его шаг был выверен, словно по линейке.

Его кожа была темной от постоянного пребывания на солнце и ветру. Лицо нельзя было назвать красавцем, но в его чертах читалась суровая властность воина.

Увидев Цунцзиня, он широко улыбнулся:

— Давно не виделись. Ты вытянулся... — он окинул его взглядом, — но так и не раздобрел. Всё такой же тонкий.

— Теперь понятно, почему отец велел готовить косулятину, — улыбнулся в ответ Цунцзинь. — Как там Мобэй? Как дядя и тетя?

В тех краях без жирного мяса и глотка крепкого вина не выжить — морозы не пощадят.

— Всё по-старому, — ответил Лю Чжигэ.

Раньше, когда в империи было спокойнее, Лю Чжигэ часто приезжал в Дяньнань. Он учил Цунцзиня стрелять из лука и даже сделал для него специальный, легкий лук. Для Цунцзиня он был вторым братом.

— Я помню, что отчеты из армии привозят весной, — заметил Цунцзинь после недолгой беседы. — И обычно присылают генерала Юньхуэй. Почему на этот раз приехал ты?

— Дядя Ли Цзян тоже здесь, — помрачнел Лю Чжигэ.

Цунцзинь вздрогнул. Ли Цзян был Генералом Гуйдэ. Оставить пост и явиться в столицу без указа — это тяжкое преступление.

— Маркиз Динъюань — тоже человек военный, так что таиться не стану, — Лю Чжигэ понизил голос. — Мы приехали просить милостыню.

Цунцзинь замер в изумлении.

— Полгода назад снабжение армии стало давать сбои. Старое оружие еще послужит, одежду можно заштопать... Но если нет жалования и еды... Род Лю охраняет границы сотню лет. Если мы дрогнем — нам не будет прощения ни перед предками, ни перед небом.

Цунцзинь почувствовал, как холодеют кончики пальцев.

— Как же до этого дошло?

— Отец трижды слал донесения. Провиант прислали, но половина гнилая. В армии уже начали забивать старых коней, чтобы хоть как-то прокормить людей, — глухо произнес генерал.

У Цунцзиня сжалось сердце. В Мобэй, где степь не имеет края, конь — это жизнь. Воины привязаны к своим скакунам больше, чем к братьям. Забивать боевых товарищей... на какую же крайность пришлось пойти дяде Лю.

— В Мобэй без мяса не выжить, — продолжал Лю Чжигэ. — Отец видит, что этот год будет засушливым. Если травы будет мало, к зиме тюрки снова пойдут на юг. А армия Мобэй даже на ноги подняться не сможет, не то что в бой идти. Отец в отчаянии послал нас с дядей Ли тайно в Ванцзин, чтобы мы вымолили у государя средства. Но нас и на порог дворца не пустили.

Он горько усмехнулся.

— Мы надеялись на маркиза Динъюань, на твоего брата, который служит у наследного принца... Но...

Лю Чжигэ вздохнул. Маркиз пытался помочь, но его слова во дворце ничего не значили. Поместье Динъюань в столице было лишь красивой оболочкой без реальной власти.

— Насколько велика опасность набега? — спросил Цунцзинь, сохраняя внешнее спокойствие.

— Семь из десяти.

Если воин говорит о семи частях, значит, к зиме это будут все десять.

— Если не исправить это сейчас, через несколько месяцев будет поздно, — прошептал Цунцзинь.

— Ты это понимаешь, — Лю Чжигэ с силой ударил кулаком по столу. Чашки подпрыгнули. — А государь... Каждый месяц во дворце пиры! На одни только состязания в стрельбе в следующем месяце уйдут десятки тысяч золотых! Если бы эти деньги отдали в Мобэй...

— Осторожнее со словами, — прервал его Цунцзинь.

— Ты точь-в-точь как твой брат, — махнул рукой Лю Чжигэ.

— Не нужно лишних слов, я всё понял. Скажи прямо: сколько нужно, чтобы закрыть дыру?

— Если экономить на всём... — Лю Чжигэ раскрыл ладонь.

Пятьсот тысяч лянов.

Доход империи составлял двенадцать миллионов, из которых в казну реально попадало восемь. Половина должна была уходить на армию. Мобэй полагалось не меньше миллиона. Но Лю Чжигэ не доверял чиновникам и хотел сам закупить всё необходимое.

— Если ты мне веришь, дай мне шанс попробовать, — тихо сказал Цунцзинь. — Даже если ничего не выйдет, я обещаю: ты не уедешь с пустыми руками. Я не допущу, чтобы армия Мобэй голодала.

— После этих слов Мобэй твой должник, — Лю Чжигэ тяжело опустил руку на его плечо.

Он пришел сюда не просто так. Он знал, что Цунцзинь стал мужем брата наследного принца.

— Отец велел привезти из Мобэй пару золотых соколов. Мы хотели поднести их государю, но раз нас не пустили — заberi их себе. Подаришь кому нужно или оставишь себе. Я буду тебе благодарен в любом случае.

<http://bllate.org/book/13698/1584797>